

8. Здесь определенную роль сыграла концепция «общего знаменателя проектирования» В. Гропиуса, которая была творчески воспринята отечественными культурологами (Генисаретский, Кантор, Сидоренко, Щедровицкий и др.).

9. Ведомости НИИ ПЭ. Вып. 9. Тюмень, 1997. С. 25-26.

10. Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. М., 1992.

11. Социология сегодня: проблемы и перспективы. М., 1965. С. 446.

12. Симонов А. Н. Концепции социальных технологий в России в 20 – 30 годы XX века. Вторая науч. сессия «Социальный механизм государственного управления». М., 1995. С. 99– 102.

13. Кареев Н. И. Общие основы социологии. Пг., 1919. С. 97–98.

14. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М. 1992. С. 271–272.

15. Богданов А. А. Тектология. В 2 кн. Кн. 2. М., 1989. С. 258–267.

16. Гиппократ. Клятва. Закон о враче. Наставления. Мн., 1998.

17. Деонтология в медицине. В 2 т. М., 1989.

**Марина Георгиевна ЧИСТЯКОВА —
старший преподаватель кафедры
философии, кандидат философских наук**

УДК 7. 01

ФИЛОСОФСКАЯ МИССИЯ ИСКУССТВА АВАНГАРДА

АННОТАЦИЯ. Искусство авангарда рассматривается в статье в качестве специфической философско-художественной утопии, целью которой является прорыв к Абсолюту на основе трансформации сознания.

The article treats the art of avanguard as specific artistic utopia aimed at reaching the Absolute based on consciousness transformations.

Искусство авангарда является такой же специфической особенностью XX века, как теория относительности, психоанализ, высокие технологии. «Черный квадрат» К. Малевича стал своеобразным символом эпохи, приобрел статус классического произведения. О том, что авангард далеко не случайное явление в культуре, писал еще Х. Ортега-и-Гассет, отметивший, что в искусстве целого ряда стран с весьма различной культурой, национальными традициями, менталитетом и образом жизни в начале XX века происходят аналогичные события [10, 227]. Но и сегодня вопрос, заданный Ж. Бодрийаром по поводу авангарда: «Что таится за этим миром..? Иная форма сознания или окончательная лоботомия?» [2, 7], — по-прежнему остается открытым и ответить на него удастся, по всей видимости, лишь тогда, когда будут прояснены философские основания этого искусства. Так что же вызвало к жизни радикальный жест авангарда?

Сами авангардисты отвечают на этот вопрос более или менее однозначно. А. Бретон видит источник авангарда в чувстве неприкаянности, сокровенном чувстве ужаса, испытываемом современным ему представителем западноевропейской культуры [3, 11]. В. Кандинский в работе «О духовном в искусстве» пишет: «Наша душа, пробудившись от долгого периода материализма, таит в себе зародыш отчаянья — следствие неверия, бессмысленности и бесцельности... Из жизни вселенной стала злая бесцельная игра» [7, 11]. Дж. Дьюи назвал отчаяние главным интел-

лектуальным настроением нашего века [11, 341]. Ужас и тоска, лежащие в основании авангарда — это отчаяние в отсутствии Абсолюта. Авангард стал попыткой преодоления этого мироощущения.

Драматическое мироощущение западноевропейского человека было следствием утвердившегося в Новое время умонастроения «онтологического нигилизма». Под влиянием скептицизма Юма и трансцендентализма Канта понятие бытия вытесняется из круга «первостепенных» философских проблем. Так, для Гегеля «чистое бытие» есть «чистая абстракция и, следовательно, абсолютно-отрицательное, которое, взятое также непосредственно, есть ничто» [5, 220]. В XX веке М. Хайдеггер констатирует, что современная эпоха забыла истину бытия; отсутствие у современного человека «чувства онтологического, чувства бытия» отмечает и Г. Марсель: «Надо, чтобы было ... *бытие*, чтобы все не свелось к поверхностной игре внешних сил, изменчивых и несостоятельных» [8, 76]. В ситуации кризиса общественного сознания постановка онтологической проблемы предполагает вопрос о возвращении «разбитому миру» целостности бытия, о восстановлении целостности человека.

Казалось, что выход из плена неопределенности и релятивизма может указать человеку наука, на всем времени своего существования манифестировавшая объективное познание мира. Однако в конце XIX — начале XX вв. основные положения классической современной науки были низвергнуты: опровергнуты постулаты об атомах как твердых и неделимых «строительных блоках» материи; о времени и пространстве как независимых абсолютах; о строгой механической причинности всех явлений и т. д. Принцип неопределенности вытесняет ньютоновский детерминизм. В условиях квантово-релятивистской революции «не рождалось связанной концепции мира, сопоставимой с Ньютоновыми «Началами» [11, 302]. Наука оказалась у того же предела, на котором остановилась философия: отчужденность, оторванность человека от мира стали еще более очевидными.

В науке, как и в философии, происходит забвение бытия. По мнению Э. Гуссерля, при помощи науки человечество осуществляет подмену истинного бытия одеянием идей, адекватных жизненному миру, придающих последнему облик «объективной, действительной и истинной» природы: «Одеяние идей создает то, что мы принимаем за истинное бытие, которое на самом деле есть метод» [6, 88]. (Связь между абстрактным характером знания и развитием общества подчеркивали Адорно, Маркузе, Хоркхаймер). В ходе истории мир науки и жизненный мир все более удаляются друг от друга. Сведение естествознания к чистой фактичности приводит к тому, что наука, «понятая лишь как эмпирическая наука, формирует лишь сугубо эмпирически ориентированных людей» [6, 53] — она в принципе исключает вопросы о смысле или бессмысленности человеческого существования и оказывается не в состоянии дать человеку жизненные ориентиры, она изгоняет индивида из сферы научного знания. Научный разум лишается ценностной и этической проблематики, безусловных идей и идеалов. Триумфальное шествие западноевропейского человека по пути научно-технического прогресса привело его на грань самоуничтожения, а пренебрежение экзистенциальной проблематикой в угоду сциентистским аспектам познания повлекло за собой экстравертированное стремление ко все новым средствам при полном забвении целей и смыслов бытия.

Искусство, традиционно сопряженное со сферой экзистенциальных проблем, трансформировавшись (ибо ни реализм, ни натурализм уже не соответствовали духу своего времени; прежнее искусство «обмануло» — продекларированное им в качестве основной ценности «разумное, доброе, вечное» так и осталось пустым набором слов, ни на йоту ни улучшив человечество), могло, как казалось представителям авангарда, радикально изменить сложившуюся ситуацию и ука-

зать выход из кризиса онтологического нигилизма. Таким образом, миссию свою авангард видел в попытке повернуть западноевропейского человека к бытию, помочь ему обрести давно утраченное представление о бытии. В этом смысле поиск авангарда протекал в русле экзистенциально-феноменологической философии.

Отношение к бытию как ко злу, в лучшем случае как к «ничто» (Гегель), «чистой абстракции» влечет за собой стремление человека изменить своим волеием мир. «Онтологический нигилизм» западноевропейского человека лежит в основании господства «деонтологизированного субъективизма» [4, 480], продуцирующего предельное своеволие человеческого «Я», культ свободы и веру в безграничное могущество человека-творца, составляющих суть утопического активизма. Проблема утопического сознания обусловлена проблемой отношения к бытию. Одной из утопий западноевропейской культуры, обязанной своим возникновением мироощущению онтологического нигилизма, является искусство авангарда. В утопии авангарда человек стремится преодолеть неподлинность бытия, свое отчуждение от него, выстраивая из определенной художественной формы новый мир человеческих отношений.

Неудовлетворенность реальностью вынуждала представителей авангарда обратиться к поискам первоисточков бытия, чтобы именно в этом «первосмысле» обрести новые перспективы. Но философия XX века показала, что выявление специфики бытия невозможно без обращения к человеческому сознанию, ибо мир дан человеку только в формах его субъективности. Поэтому вполне закономерен интерес авангарда к понятию «чистое сознание» и к тем контекстам, в которых оно употребляется в философском языке.

Экзистенциально-антропологическая философия в поисках ответа на вопрос о специфике человеческого бытия — уникального и необъяснимого никакими превосходящими его видами сущего — обращается к проблеме сознания в принципиально ином, по сравнению с классической философией, аспекте. Переключив внимание с главного принципа философии Нового времени *cogito* на принцип *sum*, как изначальное бытийное условие человеческого сознания, она создает, таким образом, особую онтологию человеческого сознания и субъективности. Классическая философия знала только познающее сознание, не задаваясь вопросом о бытии самого сознания. Философия XX века рассматривает бытие как условие и почву познания: бытие сознания не может быть объектом, поэтому оно является предметом не гносеологии, а онтологии. Сознание не из чего невыводимо, его специфика есть одновременно и специфика человеческого бытия. Каково бытие познающего субъекта? В XX веке в центре внимания философов находится именно эта проблема, а не то, каким образом субъект осуществляет познание. Только ответив на этот вопрос, человек сможет понять мир. Понятие «сознание» трактуется теперь «как нечто непосредственно схватывающее, понимающее, «знающее» само себя и свою основу. В этом смысле сознание и субъективность рассматриваются как специфический вид бытия, который невозможно выразить в традиционной субъект-объектной форме» [10, 6]. Сознание является своего рода «вещью в себе» и интерпретируется как недоступное познанию бытие. Оно рассматривается в слитности с «жизненной реальностью», как вид бытия. Сознание непосредственно приобщено жизни и ничем не предопределено. Это то абсолютное, которое невозможно постичь, «неразложимая тотальность» (Ж. П. Сартр). Это есть «собственно человеческое бытие, невыводимое в своей специфичности из законов мира» [10, 11], являющееся феноменом, специфика которого состоит в абсолютной уникальности, несводимости по способу существования к другим явлениям или объектам, в абсолютной его беспрецедентности.

В своей попытке выявить подлинную сущность бытия авангард исходит из соображений тождественности бытия и сознания. Методологически эта процедура соответствует феноменологическому методу Э. Гуссерля. Авангард ставит своей целью путь к феноменологической первоэданности, он стремится к непосредственному усмотрению сущности, что предполагает «заклучение в скобки» предметного мира, «дереализацию реальности» и переход в незмпирическое сознательное бытие. Авангардист, используя метод феноменологической редукции, заключает себя в скобки: «Я преобразился в нуле форм», — говорит Казимир Малевич. Следует заметить, что устремления авангарда — не просто чистота сознания и культурного пространства, а чистота радикальная, идущая к полной первоэданности, к нулю, чистота, носящая характер абсолютности.

Тотальное очищение сознания в авангарде, попытка найти элементарное, неуничтожимое и в сознании, и в окружающей действительности приводят представителей этого творчества к отказу сначала от предметов, затем от предметно-телесного вообще, от «плоти». В своей антипредметности авангард идет к скрытой в вещах имматериальной сути. Авангард хочет сквозь тело прорваться к душе, сквозь материальную оболочку вещей к божественному «звону» неких духовных сущностей, якобы заполняющих Вселенную. (Для Кандинского каждый предмет имеет душу, звук). Отвержение авангардом «мира банальных форм», бунт против вещей целью своей имеет обнаружение скрытой за явлениями сущности. Прорыв к Иному идет в авангарде через полное отвержение многообразия видимого. «Абстрагируясь от предметов, — замечает С. П. Батракова, — искусство проходит нечто вроде обряда инициации» [1, 90]. Авангард стремится проникнуть сквозь ложное сознание, ложное бытие туда, куда не в состоянии пробиться мышление: в сферу самого бытия, истинного бытия, где оно «бытийствует» до всякого рационального и словесного выражения.

Авангард ставит задачу возвращения человека к Абсолютному, в процессе которого последовательно с сознания снимаются слои неподлинного, возвращая человека из сферы необходимости в сферу свободы, придавая ему тем самым высокий онтологический статус. Решая эту задачу, авангард обращается к процедуре тотального очищения сознания, выявляющей в человеке окончательную субъективность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батракова С. П. Образ мира в живописи XX-го века (К постановке проблемы). Мировое древо. 1992. № 1.
2. Бодрийар Ж. Заговор искусства // Художественный журнал. 1998. № 21.
3. Бретон А. Манифест сюрреализма. Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. М.: Прогресс, 1986.
4. Гайденко П. П. Прорыв к трансцендентному. М.: Республика, 1997.
5. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. В кн.: Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1974.
6. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Агентство САГУНА, 1994.
7. Кандинский В. О духовном в искусстве. М.: Архимед, 1992.
8. Марсель Г. Онтологическое таинство и конкретное приближение к нему. В кн.: Марсель Г. Трагическая мудрость философии. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1995.
9. Ортега -и- Гассет Х. Вокруг Галилея (схема кризисов). В кн.: Ортега -и- Гассет Х. Избранные труды. М.: Весь мир, 1997. С. 233–403.
10. Проблема сознания в современной западной философии. М.: Наука, 1989.
11. Тарнас А. История западного мышления. М.: КРОН-пресс, 1995.